

УДК 94(47).06

Ю.Н. Смирнов¹

**Вклад В.Н. Татищева и сотрудников Оренбургской
экспедиции (комиссии) в культурное развитие
российского «фронтира»**

Россия в XVIII в.; колонизация; история культуры; просвещение; языкознание.

Оренбургская экспедиция (комиссия), в которой работали выдающиеся деятели государства, науки и просвещения, в том числе И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, П.И. Рычков, внесла большой вклад в создание государственных школ на территории Заволжья и Урала, в изучение языков народов России.

Политика России в первой половине XVIII в. диктовалась необходимостью решения социальных, административных, культурных за-

---

¹ Смирнов Юрий Николаевич, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (РФ, Самара), д.и.н., smirnov195503@yandex.ru.

дач, возникавших перед страной как в ходе ее внутренней модернизации, так и в условиях колонизации имперского порубежья, которую все чаще в историографии предлагается рассматривать «по фронтальной модели» [13, с. 1037]. К числу важнейших из перечисленных задач относилась интеграция различных народов и территорий империи в сферу российской государственности и цивилизации. Эта задача решалась, в том числе, в ходе обучения их представителей на родном и на русском языке в общественных учебных заведениях под контролем властей, а также путем изучения языков этих народов.

Наиболее остро указанная задача вставала на окраинных и новоприсоединенных землях со сложным этноконфессиональным составом населения. К числу таких земель относились территории лесостепного и степного Заволжья и Приуралья на юго-востоке России, вошедшие в состав государства в ходе Оренбургской экспедиции (комиссии) 1734-1744 гг. Высказывается мнение о незначительности геополитических рисков на заволжско-южноуральском «фронтире» [13, с. 871]. Его следует принять с оговорками, потому что роль этого направления российской экспансии и народной колонизации была велика, как и цена возможных политических ошибок или административных неудач.

Возникновение первых государственных школ на рассматриваемых территориях связано именно с деятельностью указанной экспедиции (затем – комиссии), местом пребывания руководства и служб которой с сентября 1736 г. по август 1743 г. была Самара. В этих школах готовились кадры служащих для самой экспедиции и давалось образование детям военных, специалистов, других лиц, служивших при этой комиссии. Учителя, школьная прислуга и сами ученики считались на государственной службе, за которую получали казенное жалование. Учебные заведения при Оренбургской комиссии современники называли как во множественном числе «школами», так и одной «комисской школой». Хотя в учебном процессе данные «школы» или специализированные классы были практически независимы друг от друга, но в отношении управления они являлись единой учебной командой этой комиссии. Для профессиональных школ того времени это было обычным явлением. Так, знаменитая Славяно-греко-латинская академия в документах тоже нередко именовалась во множественном числе «Законопасскими школами».

По данным 1741 г., при Оренбургской комиссии в Самаре состо-

яло следующее число учителей, учеников и школьных служителей²:

«науки» и «школы»	«звания» и «чины»	количество (чел.)
В певческой	Учитель	1
В певческой	Школьников	3
В словесной	Учитель	1
В словесной	Школьников	19
В писчей	Учитель	1
В писчей	Школьников	15
В татарской	Учитель-«ахун»	1
В татарской	Школьников	10
В калмыцкой	Школьников	5
При школах	Сторож	1
При школах	Писчик	1
ИТОГО		58

Первый руководитель Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов, один из основателей русской статистической и географической науки, уделял большое внимание школе при своем ведомстве. Обучение в ней не ограничивалось обычной начальной подготовкой в чтении, письме, счете. В справке об учениках Заиконоспасских школ, присланных в Академию Наук для продолжения образования в начале 1736 г., указывалось, что двое из них, Дмитрий Виноградов и Михайло Ломоносов отправлены в Германию (и это общеизвестно), «а Яков Виноградов – в Оренбургскую экспедицию, для обучения тамошних обывательских детей латинского языка» [6, с. 595].

Вместе с тем Кирилов считал необходимым давать образование жителям России разных национальностей и еще до присылки преподавателя латыни поднял вопрос о поиске учителя калмыцкого языка, на что получил согласие императрицы. Привести в исполнение свое намерение Кирилов не успел, скончавшись в 1737 г. [9, с. 50].

Однако, как показывают современные исследователи, «путь к самым разным модернизационным преобразованиям был долгим и нелегким». Этот путь, в том числе в культурной и образовательной сферах, начинался «не с реальных административных и законодательных шагов, а с идеальных представлений», теоретических разработок [12, с. 900].

Возглавивший после Кирилова Оренбургскую комиссию В.Н. Татищев как ученый и государственный деятель придавал большое

---

² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 45 об.

значение изучению языков народов России. В его трактате «Разговор дву приятелей о пользе наук и училищах» (1733) доказывалась необходимость образованным людям знать не только древние и современные европейские, но и «подданных российских народов языки». Среди «внутренних» многочисленных языков России самыми необходимыми назывались татарский, калмыцкий и «сарматский» (так Татищев в совокупности именовал финно-угорские языки), поскольку имелась нужда в чиновниках, знающих эти языки, и грамотных переводчиках [3, с. 139].

Говоря о значимости изучения и преподавания этих языков для научных целей и административных нужд, Татищев подчеркивал особо, что «сия польза еще не так велика, как нужда в научении их закону христианскому». Он считал, что в городах Поволжья, Приуралья и Сибири «нужно школы такие устроить, чтоб русские младенцы их языка, а их младенцы русской грамоте языка и закона божия учиться возможность имели». При этом Татищев ссылаясь на шведский опыт просвещения жителей Лапландии. Для них и «книги на их языке напечатаны», хотя лапландцы, скотоводы-кочевники, были «гораздо дичае, нежели мордва, чуваша, вотяки, тунгусы и пр.» Подданных же России из народов Поволжья и Урала, «яко живущих деревнями», по его мнению, «весьма легче научить и на путь спасения наставить», нашлись бы только «ученые и прилежные духовные» при выполнении еще одного важнейшего условия – языковой подготовки: «Неведующему языка их, хотя бы и лучший феолог или ритор был, ничего полезного учинить в них невозможно». Тому есть немало доказательств в виде бесплодных попыток крещения. Когда тех людей, которые «сами русского, а крестящая их языка не зная, учили... через толмачей», то когда «те крестители... в дома возвратились, так крещенные скоро все забыли, и что верят, не знают» [11, с. 102-104].

При Татищеве появляются в Самаре татарская и калмыцкая школы. В них работали «студент калмыцкого языка» Иван Ерофеев и знаток татарского, арабского, персидского, турецкого языков ахун (учитель и богослов. – Л.А.) Махмуд Абдурахманов [8, с. 206].

Завершить организацию этих школ Татищеву, отставленному от комиссии в 1739 г., не удалось [9, с. 99]. В полной мере их работа развернулась после назначения руководителем комиссии В.А. Урусова. В реестре дел Оренбургской комиссии говорится, что именно при нем «во исполнение сего пункта определено завести татарскую и калмыц-

кия школы, кои и заведены»³.

Урусов писал из Самары Татищеву, продолжавшему интересоваться деятельностью школ, в марте 1741 г.: «Во всем том старается у меня г. Рычков, и ему оное поручено, которого в том охота и прилежность, надеюсь вашему превосходительству известны». Сам П.И. Рычков, видный сотрудник Оренбургской комиссии, который позже стал первым в истории членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, сообщал Татищеву: «Я ныне особливо рад, что его сиятельство (князь Урусов. – Л.А.), все заведенные здесь школы, над коими никакого призрения не было, приказал в один... дом собрать и все надсматривать приказал. В высочайший Кабинет не без основания от его сиятельства представлено о распространении здешних училищ: ежели бы милостивая резолюция воспоследовала, то б я надеялся не малому плоду от того произрасти» [7, с. 11].

Заботами Урусова и Рычкова произошло придание обучению более правильной организации, обеспечение учебного процесса постоянным помещением, установление должного контроля за этим делом. О высоком уровне знаний преподавателей самарской школы говорит то, что в ней велась работа над татаро-калмыцко-русским лексиконом и переводами с восточных языков, их услугами пользовалась и Академия наук. На одной из переведенных книг сохранилась следующая приписка: «Я, всенижайший и многогрешный раб, ахун Махмут Адрахманов, по просьбе моего почтенного друга... перевел с арабского на татарский язык сию малую книжицу..., дабы всенародно татарскому языку она я книжка известна бысть могла. С татарского на русский язык переведена при учрежденной в Оренбургской комиссии татаро-калмыцкой школе в феврале месяце 1741 г.» [5, с. 82].

Сам Татищев упомянул М. Абдурахманова в своей знаменитой «Истории Российской». Ученый богослов, до поступления на службу в Оренбургскую экспедицию бывший учителем и переводчиком влиятельного казахского султана Эрали, не владел русской грамотой, поэтому переводы осуществлялись в два шага. Сначала ахун переводил по-татарски, а затем его ученики готовили русский текст. «Почтенный друг», упоминаемый ахуном, – это П.И. Рычков. В свою очередь, последний также тепло отзывался о татарском учителе, интересовался системой традиционного мусульманского образования, о чем писал В.Н. Татищеву: «Прилагаю реестр арабским наукам, которые мне ахун, по-татарски записав, дал и сказывал, что некоторые

---

³ Там же. Д. 9. Л. 17 об.

книги о тех науках из Бухар достать можно» [7, с. 12]. Это вполне соответствовало высказываниям Татищева о том, что знание татарского языка открывает путь к изучению других восточных языков, прежде всего – арабского.

Знатоками восточных языков успешно выполнялись секретные поручения разведывательного и дипломатического характера, что также свидетельствует о высоком профессиональном мастерстве. Так, в 1741 г. в Самаре был задержан джунгарский посол, направлявшийся к волжским калмыкам. Руководством Оренбургской комиссии «всякие вымыслы чрез переводчика употреблены были, чтоб имеющийся у него лист к хану Дондук Омбе посмотреть, которой не только высмотрен, но и копия с него чрез переводчика получена». Эту копию отослали в Иностранную коллегию⁴.

В связи с постройкой Оренбурга и превращением его в 1744 г. в центр новой губернии туда были переведены из Самары различные подразделения бывшей комиссии, включая школы. Татарская школа переводчиков действовала при Оренбургской губернской канцелярии в течение всего XVIII века. Образование, здесь полученное, открывало возможность для дальнейшей карьеры. Например, в ней обучался будущий видный оренбургской чиновник П.Н. Чучалов, активный участник налаживания дипломатических и торговых отношений с народами Казахстана и Средней Азии, обороны Оренбурга от пугачевцев и следствия по делу видных башкир-повстанцев Юлая Азналина и Салавата Юлаева [10, с. 148-150]. В этой же школе некоторое время учился И.А. Второв [2, с. 12]. Позднее он получил известность как литератор и мемуарист [1, с. 442].

Кроме школы переводчиков, в Оренбурге со второй половины 1740-х гг. существовала также школа для детей ссыльных, где обучали грамоте, арифметике, письму, пению. Здесь также работала школа младших военных инженеров [4, с. 72]. К числу первых школ на юго-востоке Европейской России следует также отнести школу для крещеных калмыков в г. Ставрополе на Волге [8, с. 207].

Таким образом, для полиэтничного Заволжского и Оренбургского края характерным было одновременное появление здесь государственных школ как для русских детей, так и для представителей других народов, что способствовало процессу взаимопроникновения и взаимовлияния различных культур. Можно утверждать, что культурное развитие юго-восточной части российского «фронта» стояло в

---

⁴ Там же. Д. 9. Л. 80 об.–81.

одном ряду с задачами его обороны, заселения, хозяйственного освоения. Заметный вклад в дело развития здесь образования и в христианское просвещение внесли руководители новоприсоединенных территорий юго-востока Европейской России, в т.ч. В.Н. Татищев и его современники – выдающиеся администраторы, деятели науки и культуры XVIII в. Их передовые для своего времени взгляды на проблемы обучения молодых людей разных национальностей вполне соответствовали целям государственной политики освоения российских окраин.

1. *Артамонова Л.М.* Истоки провинциальной интеллигенции в симбирских записях дневника И.А. Второва (1791-1793 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3.
2. *Артамонова Л.М.* Приобщение к культуре и просвещению как источник счастья молодого провинциала конца XVIII века // Счастливые страницы в истории человечества и повседневной жизни людей: материалы Международной научной конференции. Тула, 2009.
3. *Демидова Г.И.* Татищев как лингвист-просветитель // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 2.
4. *Злобин Ю.П., Поляков А.Н.* История Оренбургского региона. Ч. 1. Оренбург, 2006.
5. История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Самара, 2011.
6. Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1886. Т. 3.
7. *Пекарский П.П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.
8. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007.
9. *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.
10. *Таймасов С.У.* Переводчик Оренбургской губернской канцелярии Петр Чучалов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170).
11. *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979.
12. *Artamonova L.M.* Modernization of «Collective Beliefs» and «Cultural Capital» in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3).
13. *Mironov B.N.* Do Russians Need Cliotherapy? // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3-1).
14. *Poberezhnikov I.V.* Russian Imperial Modernization: the General and the Specific // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3).